

ТВОРЧЕСТВО А.А. ЗИНОВЬЕВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В СССР (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX в.)

За последние годы российским и отечественным философским сообществом была проведена значительная работа по изданию воспоминаний и критических работ, посвященных истории советской философии второй половины XX в. Помимо книги в 2-х томах «Философия не кончается... Из истории отечественной философии XX века» [1], издан 21 том, каждый из которых посвящен выдающимся мыслителям: Э.В. Ильенкову, А.А. Зиновьеву, А.Ф. Лосеву, Г.П. Щедровицкому, М.К. Мамардашвили и ряду других советских философов. Также в свет вышли статьи, посвященные проблемам развития советской философии II половины XX в. Однако, как отмечают современные исследователи, проделанная работа носит предварительный характер. Предстоит издать многочисленные архивы и монографические исследования мыслителей советской эпохи, что позволит представить целостную концепцию развития советской философии II половины XX в. [2, с. 16, 30]

В связи с этим роль А.А. Зиновьева в развитии советской философии как рефлексии над фундаментальными социально-политическими и духовно-идеологическими основами формирования и развития СССР может быть оценена только с учетом всего исторического процесса развития советской философии.

Развитие философской мысли после Октябрьской революции 1917 г. можно разделить на несколько основных этапов, тесно связанных с историей постреволюционной России.

Следует отметить, что исследователи, кото-

рые говорят о разрыве в истории русской философской мысли, наступившем в 1917 г. и продолжавшемся до 1991 г. [3], не совсем правы, так как русская философия до 1917 г. не сводилась только к работам представителей русского религиозного возрождения (С. Булгакову, С. Франку, Н. Бердяеву и др.).

До революции в России существовала достаточно влиятельная марксистская философская школа и позитивистское направление. Более того, даже возникновение русской религиозной философии во многом (как отмечали в свое время ее представители) было инспирировано распространением в России марксизма [4, с. 165–166]. Исследователи русской философии отмечают, что начиная с 40–50-х гг. XIX в. марксизм оказывал влияние на умонастроения всей русской интеллигенции [5].

Революция ослабила влияние представителей русской религиозной философии на духовную жизнь постреволюционной России. Однако в 1918–1921 гг., несмотря на Гражданскую войну, еще существовала достаточно широкая свобода философского творчества и теоретических дискуссий [1, с. 32]. Объяснение заключается в том, что судьба революции и советской власти в тот исторический период решалась не в ходе философских дискуссий, а на полях сражений Гражданской войны. С одной стороны, большевики победили в этой войне, но, с другой – радикальные революционные движения в Европе, на поддержку которых они надеялись в строительстве социалистического общества, были решительно подавлены. Перед Россией и революционным правительством встал вопрос о дальнейших путях развития общества.

Поэтому центр борьбы за социализм и советскую власть переместился в сферу теоретических дискуссий и идейных споров. Именно тогда большевики наносят решительный удар по своим идеологическим противникам, результатом которого и стал знаменитый «философский пароход». Данное событие сыграло определенную роль в истории интеллектуальной жизни многонационального российского общества той эпохи. Депортацию видных философов и представителей гуманитарного знания можно трактовать как первое проявление борьбы тоталитарного режима против свободы мысли и слова [1, с. 54]. Но необходимо учитывать сложность международной обстановки и внутривнутриполитической ситуации, в которой оказалась постреволюционная Россия.

Тем не менее 1920-е гг. не были потеряны для развития философии в СССР. В.А. Лекторский отмечает следующий парадокс. На западную философскую и гуманитарную мысль XX в. наибольшее влияние оказали не представители русского религиозного возрождения, которые после высылки из СССР жили на Западе, а те философы, которые остались в Советском Союзе (Л.С. Выготский, М.М. Бахтин, В.И. Вернадский, А.А. Богданов и др.) [6, с. 5–9].

Данный парадокс объясняется следующим. Во-первых, марксизм как философская концепция был ориентирован на науку и придавал ей статус единственного истинного способа познания мира. Такая ориентация марксизма освобождала научное творчество от сдерживающих границ религиозного мировоззрения, в которых, несмотря на широту своих философских воззрений, оставались представители русской религиозной философии. Во-вторых, марксизм на Западе, уже после смерти Маркса и Энгельса, понимался, прежде всего, как политико-экономическое учение, а его философские интенции игнорировались. В советской России марксизм становился не только программой социально-политических преобразований, но и основой целостного мировоззрения постреволюционного общества. Поэтому продуктивные идеи марксистской философии о социальной природе человека, о деятельности на основе познания, диалектическом единстве бытия, природы и человека, о социально-экономической обусловленности духовной деятельности общества были освоены представителями гуманитарных дисциплин и некоторыми естествоиспытателями, послужили методологической базой для выдвижения новых оригинальных идей в области психологии, лингвистики, литературоведения и др. Данные идеи с интересом были восприняты на Западе.

Таким образом, 1920-е гг., несмотря на «философский пароход», отнюдь не были разрывом в развитии философии в СССР. Об этом свидетельствуют и острые дискуссии о перспек-

тивах построения социализма, которые велись между сторонниками Троцкого, Бухарина и Сталина, а также о взаимодействии науки и философии между так называемыми механицистами и школой Деборина.

Следующая эпоха развития философии в СССР – 1930–1953 гг. Она началась после высылки Л. Троцкого и разгрома школы Деборина и может быть названа периодом сталинизации философской мысли. На наш взгляд, именно тогда сформировались те характерные особенности советской философии, от которых она не смогла избавиться вплоть до конца исторического существования Советского Союза. К ним можно отнести, прежде всего, превращение философии в идеологическую концепцию, «научно» обосновывающую все социально-политические решения правящей верхушки ВКП(б) – КПСС. У философии была отнята ее функция критико-прогностического анализа процесса развития общества. Еще одной особенностью явилась тенденция к упрощению и догматизации основных положений марксизма [7, с. 300]. Данные процессы сопровождались бюрократизацией институтов советской философии. Наконец, характерной чертой сталинского периода была практически полная изоляция советских мыслителей от достижений западной философии [1, с. 117], что также не способствовало полноценному развитию гуманитарного знания.

В данную эпоху, несмотря на тотальный идеологический и административный контроль со стороны высших партийных структур, свободная философская мысль все же существовала. В эти годы жили и работали выдающиеся мыслители, к числу которых можно отнести и последнего представителя философии серебряного века А. Лосева, а также А. Асмуса, Б. Кедрова и др. Однако данные фигуры в советской философии оказались изолированы и не могли оказывать какое-либо существенное влияние на ее развитие. Кроме того, история 1930–1940-х гг. показала, что участие в философских дискуссиях, где выражение «неправильных» идей, с точки зрения партийных верхушек, угрожало тем, кто их высказывал, смертельной опасностью. Данное обстоятельство выработало у философов большую осторожность в высказывании оригинальных концепций, расходящихся с Кратким курсом истории ВКП(б).

Вот почему процесс десталинизации философии второй половины XX в. был начат новым поколением советских философов, родившихся в 1920 – начале 30-х гг. [1, с. 75, 123].

В воспоминаниях представителей этого поколения советских философов [1, с. 124; 8, с. 408; 9, с. 314; 10, с. 18–29] говорится о том, что всех их объединяло в то время, осознание противоречивости той социальной системы, которая сформировалась в 1930–1940 гг. в СССР.

Противоречия наглядно проявились во время Великой Отечественной войны, которая, несмотря на пропаганду, была выиграна с неимоверным напряжением сил всех народов СССР. Свидетелями и участниками войны были представители нового поколения советской философии. Они четко осознавали неадекватность идеологии, основанной на сталинском упрощении марксизма той социальной реальности, которую эта идеология должна была объяснять и оправдывать. Для философов молодого поколения, прошедших войну, был характерен гораздо меньший страх перед возможностью репрессий за высказывания и идеи, расходящиеся с официальной идеологией, нежели для представителей предшествующего поколения, испытывавших на себе репрессии 1930-х гг.

Первоначально, советских философов, начавших свою деятельность в 1950–1960-е гг., объединяли следующие факторы. Мыслители нового поколения обладали блестящей эрудицией и знаниями классической философии, прежде всего, марксизма. Они были уверены в том, что марксизм как методология социального познания, очищенная от сталинизма, сможет помочь в анализе противоречий и перспектив созданного в СССР общества. Наконец, их объединяло стремление разработать такую методологию научного познания, на основе которой возможно было бы преодолеть препятствия на пути развития естествознания и социальных дисциплин, установленные упрощенной натурфилософской и идеологической интерпретацией марксистской теории [1, с. 5]. Возможность создания такой методологии виделась в возвращении к аутентичному марксизму [1, с. 111]. Вот почему диссертационные работы А.А. Зиновьева и Э.В. Ильенкова были посвящены вопросам социального познания в работах К. Маркса. Факторы, объединившие новое поколение советских философов, привели к организации неформальных философско-методологических кружков, возникших в начале 1950-х гг. на базе философского факультета МГУ. В их состав входили студенты, аспиранты и молодые преподаватели факультета: Э. Ильенков, А. Зиновьев, М. Мамардашвили, Г. Щедровицкий, В. Лекторский, Г. Батищев, В. Давыдов, Б. Грушин, Н. Мотрошилова и др. Неформальными лидерами данных объединений стали два бывших фронтовика – Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев [1, с. 77].

Несмотря на ряд принципиальных отличий в интерпретации марксистской диалектики, характерных для кружков Э. Ильенкова и А. Зиновьева, их сторонников объединяло также оппозиционное отношение к руководителям советской философии (М. Митину, Г. Александрову, Ф. Константинову и др.), которые заняли руководящие посты в сталинский

период и являлись активными последователями упрощенной версии марксизма. Наиболее ярко оппозиционность философских объединений проявилась в дискуссии на философском факультете МГУ весной 1954 г. Она была инициирована тезисами Э. Ильенкова и В. Коровикова по наиболее существенной проблеме – определению предмета философии. По словам активного участника данной дискуссии Г.П. Щедровицкого, основной тезис Э. Ильенкова заключался в том, что предметом философии является не мир, а познание [10, с. 24]. Тем самым Э. Ильенков решительно выступал против натурфилософского определения предмета философии, данного в работе Сталина «О диалектическом и историческом материализме». В ходе дискуссии, проходившей два месяца и державшей в напряжении не только преподавателей и студентов философского факультета МГУ, но и высшие идеологические инстанции ЦК КПСС, были сформулированы основные задачи, стоявшие перед новым поколением советских философов: на основе преодоления сталинской версии марксизма и возвращения к аутентичному прочтению работ классиков создать новую методологию социального и естественно-научного познания. На основе новой методологии можно было бы построить теорию социализма, объясняющую противоречия социальной реальности СССР. Данная задача была четко сформулирована в процессе данной дискуссии в заключительном выступлении А.А. Зиновьева. Он заявил: «Если бы Маркс был жив, он бы к своим одиннадцати тезисам добавил двенадцатый: раньше буржуазные философы объясняли мир, а советские философы и этого не делают [10, с. 28].

Таким образом, методологические кружки Э. Ильенкова и А. Зиновьева были той клеточкой (по марксистской терминологии участников дискуссии), из которой выросла вся советская философия II половины XX в. Внутренним противоречием и движущим фактором этой первичной клеточки явились идейные противоречия между участниками методологических кружков.

Между двумя группами существовали принципиальные разногласия в интерпретации марксизма как методологии социального познания и как теории общества. Э. Ильенков и его последователи исходили из идеи единства диалектики как методологии социального познания и марксистской теории общества (эта идея вытекала из концепции единства бытия и мышления). А.А. Зиновьев, Г.П. Щедровицкий и члены их логического кружка, признавая диалектику как методологию социального познания, сомневались в эвристической ценности марксистской теории общества для объяснения противоречий, которые выявились в советское время.

Изначально данные теоретические разногласия не выходили за рамки марксизма и

касались, прежде всего, разных подходов к интерпретации марксистской теории познания. Однако с середины 1950-х гг. в связи с процессом десталинизации, открывшим для молодых советских философов возможность изучения западной философии 1920–1950 гг., их разногласия вышли за данные рамки.

Э. Ильенков в анализе методологии социального познания марксизма подчеркивал идею тождества бытия и мышления, а значит, говорил о единстве метода (диалектической логики) и теории (диалектики исторического процесса) в философии марксизма.

Отрицая тождество бытия и мышления, А. Зиновьев и его последователи по сути отрицали также единство метода и теории общественного развития в марксизме. Сам А.А. Зиновьев неоднократно заявлял о том, что одной из своих главных заслуг он считает отделение методологии социального познания от предложенной К. Марксом в «Капитале» теории возникновения и развития капиталистического общества [11, с. 245]. Тем самым Зиновьев и его ученики создали предпосылки для последующего отрицания теории общественного развития марксизма. При этом А. Зиновьев гораздо раньше и более решительно, нежели его ученики и последователи, осуществил разрыв с методологией марксистской теории общества. Об этом свидетельствует развернувшаяся во второй половине 1950-х гг. дискуссия между А. Зиновьевым и Г. Щедровицким. Истоки данных разногласий Г.П. Щедровицкий подробно рассматривал в своих работах [12].

Прежде всего, он упоминал программу логических исследований, предложенную Зиновьевым, в 1953 г. ее поддержал и сам Щедровицкий. В 1951 г. А.А. Зиновьев провозгласил тезис: «Логика должна разрабатываться как эмпирическая наука... На том этапе этот тезис означал, прежде всего, – во всяком случае, именно это мы больше всего осознавали, – что логика должна перестать ориентироваться на формальные системы... и на создание таких формальных систем, а должна обратиться к реальным примерам и образцам научного мышления, зафиксированным в классических произведениях. И постараться оттуда извлечь приемы, методы и способы анализа объектов и построения научных знаний и систем знания. Описание этих приемов, методов и способов, соотнесенных с описанием соответствующих им знаний, и должны были составить тело “Логики”» [11, с. 470–471].

Первым объектом данной программы научных исследований была логика построения концепции капиталистического общества, предложенная Марксом в «Капитале». Это исследование было осуществлено в кандидатской диссертации А. Зиновьева «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале

«Капитала» К. Маркса)». Однако, как отмечает Г. Щедровицкий, сам А. Зиновьев отказался от своей программы исследований на рубеже 1958–1959 гг. [12, с. 471]. Возможно такой неожиданный отказ А. Зиновьева и разрыв со своим ближайшим учеником Г. Щедровицким и другими членами кружка был вызван как методологическими (научными) причинами, так и причинами социального порядка.

Как известно, в 1930–1950-е гг. советская философия развивалась в изоляции от западной философской и научной мысли. На философском факультете МГУ (ведущий вуз СССР) ничего не знали о развитии мировой логики конца XIX – первой половины XX в. [12, с. 473]. Однако после смерти Сталина страна начала открываться навстречу новым, появившимся на Западе, идеям. Как утверждает участник логического кружка А. Зиновьева – Г. Щедровицкого М.С. Хромченко, в 1955–1960 гг. членами этого объединения была переведена практически вся западная логическая литература 1920–1955 гг., «исходившая из неопозитивистского направления» [8, с. 410].

Следует отметить, что члены философского кружка, находившегося под влиянием Э. Ильенкова, также осваивали новую западную литературу, которая, однако, носила совершенно иной характер. Главный интерес для них представляли работы Г. Лукача и идеи западного марксизма [13].

Итак, одна группа молодых советских философов осваивала идеи неопозитивизма, ведущего направления в США и Англии, другая – идеи западного марксизма, преобладающего в интеллектуальных кругах Франции и Италии в 1950–1960-х гг.

Тем самым разногласия, проявившиеся между группами Ильенкова и Зиновьева еще в начале 1950-х гг., к середине 1960-х гг. под влиянием западных идей превратились, пожалуй, в главное противоречие всей советской философии. Благодаря влиянию западного марксизма идеи группы Ильенкова укреплялись, марксистские интенции второй группы, и в частности Зиновьева, вытеснялись под влиянием неопозитивизма. Именно влияние неопозитивизма, на наш взгляд, обусловило отказ А. Зиновьева от его первоначальной программы логических исследований.

Следует отметить, что за всеми дискуссиями о логике и методологии научного познания между Э. Ильенковым, А. Зиновьевым и Г. Щедровицким и их учениками и последователями скрывались основные вопросы, которые больше всего волновали советских философов в 1950–1960-е гг.

В конечном счете, они сводились к исследованию эвристических возможностей и попытке определить истинность марксистской теории, а также к изучению социальной реальности

СССР и анализу перспектив дальнейшего развития советского общества. О том, что данные вопросы были основополагающими, свидетельствуют как сами участники дискуссий, так и современные исследователи их творчества [8, с. 405; 10, с. 283–284].

Однако процесс десталинизации носил достаточно поверхностный характер. Были прекращены массовые политические репрессии, страна постепенно открывалась для культурных контактов с внешним миром, но структура авторитарной политической власти и идеологические догмы, созданные во времена сталинизма, практически оставались неизменными.

Данные факторы обусловили разочарование интеллигенции в возможности демократизации социальных отношений в Советском Союзе. Кроме того, поскольку в области социальной философии диктат официальной и по существу сталинской идеологической концепции был практически абсолютным, сфера исследований передовых советских философов ограничивалась логикой и методологией научного (прежде всего естественно-научного) познания. Именно эта тематика была наиболее полно и глубоко разработана в западном философском направлении – неопозитивизме. Поэтому представители логического кружка А. Зиновьева и он сам постепенно начинают отказываться от диалектики как методологии социального познания и переходят на сторону логического позитивизма. Их сомнения относительно эвристической ценности марксистской теории общества перерастают в скрытую, но глубокую враждебность к марксизму. А так как марксизм не бесосновательно рассматривался ими как идейная программа социальных преобразований в СССР, то такая враждебность превращала многих советских философов в противников советской власти.

Следует отметить, что А. Зиновьев одним из первых прошел ту идейную эволюцию, которую совершила советская философия в 1960–1970-е гг. В 1960 г. была опубликована его книга «Философские вопросы многозначной логики», в которой отражается его новый взгляд на методологию и логику научного исследования, расходившийся с марксизмом и диалектикой. Эту книгу можно рассматривать как своеобразный ответ на книгу Э. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” К. Маркса» (изложенная в ней интерпретация марксистской диалектики, отстаивалась группой Э. Ильенкова еще в дискуссии 1954 г.)

Итак, в 1960-е гг. наметился раскол в советской философии. Часть мыслителей признавала эвристическую ценность марксистской теории в анализе развития советского общества, другая часть была в ней разочарована и искала методологию социального анализа в немарксистских концепциях западной

философии. Наиболее яркими представителями двух тенденций являлись Э. Ильенков и А. Зиновьев.

Советские философы, опасавшиеся возвращения сталинизма, крайне болезненно переживали события «Пражской весны» 1968 г. Поэтому в развитии философской мысли в СССР период (1970 – I половина 1980-х гг.) стал противоречивым и драматическим. Представители официальной философии с еще большим рвением продолжают «толочь воду в ступе» [14, с. 186] о сущности так называемого «развитого социализма». В середине 1970-х А. Зиновьев занимает открыто антисоветскую позицию, публикует на Западе социологический роман «Зияющие высоты» и изгоняется из СССР. В 1979 г., находясь под двойным прессом (преследованием со стороны официальных представителей советской философии и отходом от марксизма своих ближайших друзей), Э. Ильенков добровольно уходит из жизни. Г. Щедровицкий продолжает в своем методологическом кружке готовить элиту «прогрессоров» [10], а М. Мамардашвили предлагает рассматривать философию как экзистенциальное самопознание личности.

В результате, советская философия в эпоху «перестройки» ничего, кроме расплывчатых лозунгов об общечеловеческих ценностях и возвращении в лоно западной цивилизации, из которого народы СССР якобы выпали в 1917 г., не смогла предложить ни политическому руководству, ни советскому народу.

Как и в СССР, в западноевропейских странах происходит разрыв между марксистской теорией, развивавшейся мыслителями западного марксизма (Ж.П. Сартром, Л. Альтюссером, представителями франкфуртской школы), то есть теми, кто не участвовал в политической деятельности, и политической практикой бюрократизированных западноевропейских коммунистических партий, находившихся под влиянием КПСС [15, с. 103].

В результате политическая практика не поддерживалась новыми теоретическими идеями и превратилась в оппортунистическое приспособление к сложившейся социальной ситуации. В СССР результатом данного процесса стала практика брежневского «застоя», в западных странах – практика еврокоммунизма, который оказался вариантом оппортунизма западной социал-демократии [15, с. 224]. Поскольку представители марксистской теории не развивали ее через осмысление новой практики социальных преобразований (как в свое время делали классики марксизма), то импульсы для ее движения они пытались найти в немарксистских теоретических концепциях [15, с. 74]. Результатом становился не плодотворный синтез, когда продуктивные идеи немарксистской социальной теории встраиваются в систему

марксистской концепции, а в лучшем случае соединение двух принципиально разных теоретических конструкций, в худшем – идейная капитуляция и переход на позиции идеологического оппонента. Во втором случае реальные процессы социальной действительности марксистский теоретик видит глазами своего оппонента и сам превращается в антимарксиста и антикоммуниста [16, с. 223].

Так, события 1968 г. не только в Праге, но и в Париже, Нью-Йорке и Пекине послужили своеобразным толчком, который привел и советскую философию, и западную марксистскую мысль к идейному упадку. Тем не менее, можно говорить о том, что правы историки, которые утверждают, что пока существует и развивается капитализм, то как его теоретическая альтернатива, будет существовать и развиваться марксизм, перерабатывая продуктивные идеи мировой философии и общественной мысли.

Таким образом, история советской философии, в контексте которой формировалось творчество А.А. Зиновьева, может быть условно разделена на несколько основных этапов:

- Первый, охватывающий 1917–1920-е гг., отражает противоречивую историю становления советской государственности и связан с борьбой в сфере философских дискуссий и идейных споров, результатом которых стал «философский пароход». Однако советская философия в 1920-е гг. активно развивалась под влиянием продуктивных идей марксизма, послуживших методологической базой для выдвижения новых оригинальных идей в области гуманитарного знания.
- Второй этап (1930–1953 гг.) может быть охарактеризован как период сталинизации философской мысли, когда философия превратилась в идеологическую концепцию и не выполняла функцию критико-прогностического анализа развития общества, а основные положения марксистской теории были упрощены и догматизированы.
- Третий этап, начавшийся в середине 1950-х гг., явился своего рода расцветом советской философии.

Новым поколением мыслителей, которых объединяло осознание противоречивости советской социальной системы, был начат процесс десталинизации гуманитарной мысли. Его центром стали методологические кружки Э. Ильенкова и А. Зиновьева, а идейные противоречия между участниками методологических кружков в интерпретации марксизма как методологии социального познания и как социальной теории стали движущим фактором для дальнейшего развития советской философии.

Если на группу Э. Ильенкова существенное влияние оказали идеи западного марксизма, то на группу А. Зиновьева – идеи неопозитивизма, которые затем обусловили его отказ от первоначальной программы логических исследований. Однако, за всеми дискуссиями о логике и методологии научного познания скрывались основные вопросы, которые больше всего волновали советских философов в 1950–1960-е гг.: истинность марксистской теории, сущность социальной реальности СССР и анализ перспектив дальнейшего развития советского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: в 2 кн. / под ред. В.А. Лекторского. Кн. 1. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 1998. – 768 с.
2. Философия России 2 пол. XX века (материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2011. – № 4.
3. Философия в СССР: версии и реалии (материалы дискуссии) // Вопросы философии. – 1997. – № 11.
4. Павлов, А.Т. Было ли в России в начале XX века религиозно-философское возрождение? / А.Т. Павлов // Вопросы философии. – 2004. – № 9.
5. Пустарнаков, В.Ф. Парадоксы в истории марксизма в России / В.Ф. Пустарнаков // Карл Маркс и современная философия. – М., 1999.
6. Лекторский, В.А. Предисловие / В.А. Лекторский // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: в 2 кн. / под ред. В.А. Лекторского. – Москва: «Российская политическая энциклопедия», 1998. – Кн. 1. – 768 с.
7. Мареев, С.Н. Из истории советской философии: Лукач–Выготский–Ильенков / С.Н. Мареев. – М., 2008. – 448 с.
8. Георгий Петрович Щедровицкий. – М., 2010. – 600 с.
9. Пятигорский, А.М. Избранные труды / А.М. Пятигорский. – М., 2005. – 590 с.
10. Щедровицкий, Г.П. Я всегда был идеалистом... / Г.П. Щедровицкий. – М.: Изд-во «Путь», 2001. – 368 с.
11. Зиновьев, А.А. Исповедь отщепенца / А. Зиновьев. – М.: «Вагриус», 2005 – 554 с.
12. Щедровицкий, Г.П. Идея деятельности и деятельностный подход / Г.П. Щедровицкий. – М., 2010. – С. 440–541.
13. Эвальд Васильевич Ильенков. – М., 2008. – 431 с.
14. Семенов, Ю.И. История марксистской философии в СССР весьма печальна / Ю.И. Семенов // Кто сегодня делает философию в России. Т. 2. – М., 2011. – 528 с.
15. Андерсен, П. Размышления о западном марксизме; на путях исторического материализма / П. Андерсен. – М., 1991 – 272 с.

SUMMARY

The article is devoted to Zinoviev's philosophic heritage role in the process of soviet philosophy formation as a reflection of fundamental political and moral-ideological social bases.

The author of the article notes that in the soviet philosophy history some main periods could be found. The author shows that discussions about logic and methodology contained main questions for soviet philosophers in 1950s–1960 s. Marxists theory verities, the social reality of USSR's essence and evaluation of the development soviet society's prospects are described.

Поступила в редакцию 22.03.2012 г.